

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Некоторые критические замечания относительно первой части „Истории армянского народа“, изд. 1951 г.

Опубликование Институтом истории Академии наук Армянской ССР коллективного труда „История армянского народа“, ч. I, написанного сотрудниками института (Б. Б. Пиотровским, Б. Н. Аракеляном, М. С. Асратяном, С. Т. Еремяном, Т. Т. Микаеляном и А. Р. Иоаннисяном), является для нашей исторической науки событием весьма большого значения.

В настоящей статье мы хотим остановиться на некоторых недостатках, имеющихся в этой книге, в особенности в части, относящейся к изложению состояния медицины в Армении на различных исторических этапах жизни и развития армянского общества.

Одним из недостатков рецензируемой книги является то, что труд этот носит несколько схематичный и конспективный характер. Недостаток этот, повидимому, связан с тем, что, предназначая труд в качестве учебного пособия, авторы в своем стремлении быть по возможности краткими, старались уложиться в строго определенные сжатые рамки.

В результате подобного изложения некоторые весьма важные исторические факты и события переданы столь кратко, что основное их содержание и идеи почти выхолены.

Точно так же некоторые разделы, как, например, разделы науки и, в частности, медицины, представлены в виде отдельных разрозненных фактов, не имеющих между собой ни внутренней связи, ни преемственности.

О состоянии медицинских знаний в Армении авторы знакомят читателя лишь при изложении состояния культуры и науки в XII—XIII вв. Об этом они пишут: „Врачебное искусство и медицинская литература получили особенное развитие в XII—XIII вв.“ (стр. 186 русского изд.).

У читателя книги естественно возникает вопрос: когда же возникла медицина в Армении, если медицинская литература уже в XII—XIII вв. получила „особенное развитие“?

Мы далеки от мысли утверждать, что авторы книги придерживаются в этом вопросе мнения буржуазно-националистических исследователей, утверждавших, что научная медицина в Армении возникла лишь в XI—XII вв. под влиянием арабской медицины. Между тем подобное мнение у читателя книги несомненно может сложиться, так как о медицине в Армении в предыдущие века авторы ничего не говорят. Они лишь вскользь упоминают, что „Аштишатский Собор вынес решение основать странноприемные дома и больницы...“ (стр. 75).

О довольно высоком уровне научной медицины в Армении в этом период говорят как данные армянской литературы V—VII вв., так и имеющиеся в современной литературе указания относительно переводов в эту эпоху на армянский язык трудов классиков греко-римской медицины. Далее авторы пишут о высоком развитии философских знаний в Армении в раннем средневековье; между тем трудно представить себе возможность высокого развития философии в стране без достаточного развития у народа медико-биологических знаний. Не случайным является факт, что почти все выдающиеся представители античной греческой философии были

одновременно врачами и естествоиспытателями. Точно так же большинство выдающихся врачей древности и средневековья, попутно с медицинскими произведениями, писало и труды по философии. Не случайным, конечно, является и то, что автор V века Езник в своем философско-богословском труде для подкрепления своих доводов весьма часто обращается именно к данным медицинской и биологической науки своего времени.

Не упоминая ни единым словом о состоянии медицины в Армении в раннем средневековье, авторы книги, как уже было указано выше, довольно высоко оценивают уровень медицинских знаний и медицинскую литературу в Армении в XII—XIII вв. Против такой оценки, конечно, нельзя ничего возразить, однако авторы не сделали основного, а именно не передали содержания направления и характера этой медицины. А ведь характерной чертой армянской медицины в этот период, резко отличающей ее от медицины того же времени Зап. Европы, является рационально-светское ее направление. В этот период, как известно, армянские врачи особенно успешно занимались изучением признаков болезней и лечения их, основываясь преимущественно на данных опыта и наблюдений.

В литературе было неоднократно подчеркнута, что весьма большим достоинством труда врача Мхитара „Утешение в лихорадках“ является то, что в нем отражены лучшие достижения античной медицины и средневековой медицины народов Передней и Средней Азии, а также личного опыта и результатов наблюдений самого автора, совершенно свободного от средневековой мистики и схоластики. Между тем авторы рецензируемой книги основным достоинством труда Мхитара считают то, что в нем дано только „точное определение болезней“. Такую формулировку нужно считать неправильной. Мхитар дает хорошее описание признаков и картины лишь ряда заболеваний, но отнюдь он не дает точного их определения, что вполне понятно, если иметь в виду уровень медицинских знаний того времени.

Желая быть краткими, авторы книги уделили периоду расцвета медицины в Армении и его выдающемуся представителю Мхитару, которого они сами называют „величайшим врачом своего времени“, всего лишь девять строк петитом. Между тем они уделяют лицам, менее заметным и оставившим лишь слабый след в армянской культуре, значительно больше места. Так, например, Аветику Тигранакертскому (XVII в.) уделено даже больше места, чем такому выдающемуся астроному и математику, как Анания Ширакаци. При в общем весьма скупом освещении деятельности выдающихся представителей армянской науки, такие детали и подробности, как история знакомства Аветика Тигранакертского с французским ученым, обстоятельства, связанные с его учебой или путешествием в зимнее время из Эрзерума в Тавриз и т. д., излишни и мало существенны. В то же время авторы ничего не сказали об уровне научных знаний Аветика, о содержании и направлении его труда, или хотя бы о его роли в армянской науке.

Далее, характеризуя медицину эпохи Амирдовлата и личность этого выдающегося врача, следовало бы, по нашему мнению, отметить, что медицина его времени, как и вся наука в Армении, уже характеризуется чертами начинающегося упадка.

Непонятно также почему авторы книги название труда Амирдовлата «Օգուտ բժշկութեան» перевели „Польза врачевания“, а не „Польза медицины“, как это уже давно совершенно точно и правильно переведено и принято в нашей историко-медицинской литературе (в трудах Ст. Малхасянца, Л. Оганесяна и др.). Ведь в этом труде Амирдовлат излагает содержание медицинской науки своего времени, а не только вопросы лечения или лечебных приемов.

То же самое можно сказать и относительно перевода названия другого труда того же автора «Անպիտան անպէտ». Взамен принятого в литературе правильного перевода „Ненужное для неучей“ они перевели „Невеждам невпрок“.

Наконец, авторы упоминают и о третьем труде Амирдовлата „Ахрабадине“, который они называют „Фармакологией“. В этом труде автор излагает учение о методах приготовления лекарств и составления рецептов, но не о действии ле-

карственных веществ на организм или об их дозировке. Таким образом, этот труд скорее можно назвать фармацией с фармакогнозней или фармакопеей, но отнюдь не „Фармакологией“.

Подобные произвольные переводы заглавий трудов, имеющих историческое значение, вносят путаницу в литературу и, главное, не соответствуют содержанию самих трудов.

Ошибочным надо считать утверждение авторов книги, что все армянские врачи XVII в. были последователями Амирдовлата (стр. 278). Из этого утверждения вытекает, что вся армянская литература эпохи расцвета светской средневековой медицины (XI—XIV вв.), по своему уровню стоявшая несомненно сравнительно высоко, совершенно не была использована и не пригодилась последующим поколениям армянских врачей.

Совершенно непонятным и ошибочным является также утверждение авторов книги о том, что „возникновение в Армении научной медицины относится к XVIII в. Первым представителем научной медицины был,—пишут они,—уроженец Новой Джульфы Петрос Калантарян. Медицинское образование он получил в Московском университете и называл себя московским врачом“ (стр. 278).

Заявление о том, что научная медицина в Армении возникла в XVIII в., является недоразумением. Ведь сами авторы пишут о высоком уровне медицины и медицинской литературы еще в XII—XIII вв., о медицинских школах в Армении и об анатомических вскрытиях, производившихся армянскими врачами в XIII в. Ошибкой является и заявление о том, что Петрос Калантарян окончил Московский университет. В труде самого Калантаряна об этом не говорится ни слова. Из предисловия П. Калантаряна к его произведению видно, что этот труд является результатом его двадцатипятилетней врачебной деятельности. Отсюда вывод, что, если Калантарян был воспитанником Московского университета, поскольку труд его был написан в 1789 г., он должен был поступить в университет примерно в 1759 г. Между тем медицинский факультет Московского университета был открыт лишь в 1764 г. Московским врачом П. Калантарян называет себя не потому, что он окончил Московский университет, а потому лишь, что свою врачебную деятельность он проводил в Москве.

Значение П. Калантаряна для армянской медицины определяется тем, что он первый из армянских врачей, живя и работая в русской среде, в русском научном центре—в Москве, пытался приобщить армян к медицине нового времени и первый начал применять латинскую и отчасти русскую медицинскую терминологию, но не тем, как ошибочно заявляют авторы рецензируемой книги, что он был первым представителем научной медицины в Армении.

Мы позволим себе остановиться еще на одном вопросе, не имеющем отношения к медицине. По нашему мнению, должен быть пересмотрен и вновь обсужден вопрос о едином подходе к собственным именам и прозвищам исторических лиц. В этом вопросе авторами создана в книге настоящая путаница. В одних случаях армянские собственные имена и прозвища даются не в армянском произношении, а переводятся на русский язык; так, например, вместо Мовсес Хоренаци они пишут Моисей Хоренский, в других—Мовсеса Каланкатваца называют Мовсесом (а не Моисеем) Каланкатуйским. Точно так же вместо Фавстоса, Агатагелоса, Ованнеса они пишут Фавст, Агафангел, Иоаннес и т. д. Возникает вопрос, почему же они не называют Егише Елисеем, Левона—Леоном или Львом, Григора—Григорием и т. д.

Мы полагаем, что эти наши критические замечания могут быть полезны при подготовке книги ко второму изданию.

Г. АРУТЮНЯН;
А. КЦОЯН